

П. Лавров

Задачи позитивизма и их решение
Теоретики сороковых годов в науке о верованиях

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Лавров**
Задачи позитивизма и их решение: Теоретики сороковых годов в науке о верованиях / П. Лавров – М.: Книга по Требованию, 2013. – 140 с.

ISBN 978-5-458-54509-9

ISBN 978-5-458-54509-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Позитивизмъ пришлось признать силою, потому что, по замѣчанію Литтрэ *), „въ противоположность прочимъ системамъ, которыя надѣлали много шума, и потомъ не набирали себѣ новыхъ послѣдователей, позитивная философія, надѣлавшая мало шума, не переставала усиливаться скрытымъ наборомъ новыхъ членовъ, что происходило вслѣдствіе силы вещей, а не пропаганды“. Во Франціи позитивизмъ получаетъ приверженцевъ преимущественно изъ числа медиковъ и воспитанниковъ политехнической школы. Самымъ блестящимъ его представителемъ является Литтрэ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ Франціи.

Но главную опору позитивизмъ имѣетъ въ Англіи. Въ 1864 г. Ложель, одинъ изъ тѣхъ колеблющихся, но не лишенныхъ значенія умовъ, которыхъ много во Франціи, разбирая Герберта Спенсера, такъ характеризовалъ **) настроеніе умовъ въ Англіи: „всюду въ Англіи замѣчается явное стремленіе уловить лишь относительное, конкретное, устраняя то, что обще, систематично, безусловно... Но такая тенденція могла бы быть болѣе противна развитію философіи? Безусловное составляетъ предметъ всякаго метафизическаго ученія: подобное ученіе обязано сжать въ отвлеченныя формулы все, что мысль способна охватить, поставить въ видѣ вопроса, если не разрѣшить задачи всѣхъ временъ, всѣхъ поколѣній, смутно волнующіяся въ теченіе вѣковъ въ совѣсти человѣчества. Но англійскій умъ ихъ отвергаетъ. Тайное и глубокое убѣжденіе побуждаетъ его думать, что забота о неразрѣшимыхъ вопросахъ составляетъ признакъ эпохъ упадка“.

*) Въ первомъ томѣ новаго изданія „Cours de Philosophie positive“ (1864) см. „Préface d'un disciple“ XLVI.

**) «Revue de deux Mondes» 15 fevr. 1864.

Поэтому въ Англіи мы находимъ и цѣнителей, которые добросовѣстнѣе другихъ отнесли къ позитивизму въ его историческомъ значеніи. Любисъ въ своей біографической исторіи философіи далъ Ог. Конту значительное мѣсто, заключилъ изложеніемъ его ученія свою исторію и сталъ явно въ ряды позитивистовъ, объявляя, что въ „Cours de Philosophie positive“ мы имѣемъ самую высшую систему, произведенную философіею, потому что эта система, вообще говоря, самая истинная“. Одинъ изъ первостепенныхъ философскихъ умовъ современной Европы, Дж. Ст. Милль, бывшій въ сороковыхъ годахъ корреспондентомъ Конта, принадлежитъ также къ его наслѣдникамъ. Хотя Милля, какъ всякій самостоятельный умъ, нельзя причислить къ чьей-либо чужой школѣ, но онъ настолько же можетъ быть отнесенъ къ группѣ мыслителей, которые болѣе или менѣе ведутъ свое начало отъ Конта, насколько Фихте, Шеллингъ, Гегель, Гербартъ и Шопенгауэръ связаны съ Кантомъ, при безпорной самостоятельности умовъ cadaго изъ нихъ.

Но распространеніе позитивизма далеко не можетъ быть ограничено тѣми, которые *признаютъ* свою связь съ Ог. Контомъ, насколько бы они ни отходили въ частностяхъ отъ его ученія. Замѣчательные умы, весьма мало знавшіе о Контѣ, другіе, на которыхъ его вліяніе, повидимому, было крайне ограничено, наконецъ, третьи, прямо оппонирующіе Конту, при ближайшемъ безпристрастномъ разсмотрѣніи должны быть поставлены съ позитивизмомъ въ болѣе близкую связь, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ изъ предшествующихъ теченій мысли. Все это аналогическія явленія, имѣющія одно и то же законное основаніе въ духѣ времени, или еретическія ученія, отступающія отъ позитивизма съ тѣмъ,

чтобы лучше осуществить тѣ самыя цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ.

Такъ позитивисты признають духъ своего ученія въ слѣдующихъ словахъ: „Важнѣйшій результатъ мыслящаго физическаго изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: въ разнообразіи найти единство, охватить всѣ особенности, представляемыя открытіями послѣдняго времени, раздѣлить частности на основаніи изученія, тѣмъ не менѣе, не быть подавленнымъ ихъ массою... Этимъ путемъ... намъ, можетъ, удастся, понявъ природу, какъ бы овладѣть съ помощью идей грубымъ матерьяломъ эмпирическаго воззрѣнія... Что я называю физическимъ описаніемъ міра, не имѣетъ претензіи на мѣсто раціональной науки природы; это лишь мыслящее разсмотрѣніе эмпирически данныхъ явленій, какъ цѣльной природы... Совокупность опытныхъ знаній во всѣхъ ихъ частяхъ и разработанная во всѣхъ ея частяхъ философія природы не могутъ быть противорѣчивы, если только философія природы, согласно ея обѣщанію, есть разумное пониманіе дѣйствительныхъ явленій во вселенной“. Между тѣмъ, эти слова писаны человѣкомъ, котораго никто никогда не причислялъ къ ученикамъ или послѣдователямъ Конта, человѣкомъ, который, впрочемъ, слышалъ одинъ семестръ публичныхъ лекцій Конта о положительной философіи, но мысль котораго работала совершенно самостоятельно въ области точныхъ наукъ. Эти слова взяты изъ „Космоса“ Александра фонъ Гумбольта *).

Точно такъ же отзвучіе позитивизма можно бы искать въ ученомъ, разграничивающемъ „текущую“ область знанія отъ „неподвижной“ области вѣрованій, когда онъ тре-

*) „Kosmos“, I (1845), 6, 31, 69.

буетъ, чтобы естествоиспытатель „свидѣтельствовалъ лишь о томъ, что доступно научному познанію“, признаетъ, что „страна невѣдомаго все снова расширяется предъ нами и то, что мы знаемъ, не удовлетворяетъ насъ“, и рядомъ съ „надеждою изслѣдованія и общеніемъ знающихъ“ ставитъ „смиреніе знанія, терпѣніе изученія“. Между тѣмъ и этотъ великій умъ въ сферѣ науки связанъ съ позитивизмомъ лишь общностью духа времени. Слова, приведенныя нами, взяты изъ предисловія къ „четыремъ рѣчамъ“ Вирхова *).

Мы нарочно взяли два примѣра изъ замѣчательнѣйшихъ представителей Германіи прошлаго и настоящаго поколѣнія, чтобы показать, какъ и въ этой странѣ, гдѣ прямое вліяніе позитивизма было наименѣе значительно, сами собою представляются аналогическія явленія въ людяхъ науки. Но еще скорѣе можно было бы найти подобныя примѣры во Франціи и въ Англіи. Въ письмахъ Ренана и Бертло, помѣщенныхъ въ „Revue des deux Mondes“ 1863 г., въ историческомъ и критическомъ пониманіи Тэна можно узнать попытки самостоятельныхъ умовъ пробить *свою* дорогу въ томъ же направленіи, какъ и позитивизмъ. Еще ближе къ нему Ренувье съ своимъ заявленіемъ, что „все относительно“, что „начало знанія—явленіе, и цѣль знанія—законы явленія“ **). Что касается до Англіи, то Ложель утверждаетъ вліяніе позитивизма на Герберта Спенсера, Спенсеръ считаетъ Бокля приверженцемъ Конта, хотя всего справедливѣе вмѣстѣ съ Миллемъ признать, что эти замѣчательные мыслители, „несмотря на сродство генія, на одинаковую

*) «Vier Reden über Leben und Kranksein» (1862).

**) Ch. Renouvier. «Essai de critique generale» (1854).

обширность знаний и на склонность къ однимъ и тѣмъ же умозрѣніямъ“, шли своимъ собственнымъ путемъ.

Міросозерцаніе, которому признають себя болѣе или менѣе сродными такіе умы, какъ Милль, Литтрэ и Льюисъ, уже не можетъ не считаться значительнымъ. Когда же у него оказываются единомышленники и сотрудники между замѣчательнѣйшими представителями современной европейской мысли всѣхъ странъ, то мыслящій человѣкъ не можетъ не обратить на него вниманія, какъ на одну изъ характеристическихъ чертъ современности. Поэтому нельзя не порадоваться, что наша публика имѣетъ возможность ознакомиться съ главными особенностями позитивизма въ книгѣ, заключающей мнѣнія Льюиса и Милля объ этомъ ученіи. Конечно, отношеніе къ нему двухъ авторовъ, соединенныхъ въ этомъ томѣ, довольно различно. Льюисъ — энциклопедически развитый литераторъ, но не самостоятельный и не глубокій мыслитель. Его сила — умѣнье изложить, сгруппировать мысли, заинтересовать читателя. Въ своей знаменитой біографіи Гете, какъ въ своей біографической исторіи философіи, или въ своихъ фізіологическихъ очеркахъ, Льюисъ остается эссеистомъ. Какъ писатель, способный охватить сущность предмета и критически его освѣтить строго-продуманнымъ взглядомъ, Льюисъ стоитъ значительно ниже. Джонъ Стюартъ Милль — одинъ изъ сильнѣйшихъ современныхъ умовъ. Конечно, какъ всякій мыслитель, именно во имя цѣльности и самостоятельности своего взгляда, онъ можетъ уступать въ частностяхъ другимъ, болѣе второстепеннымъ мыслителямъ, но проицательность и трезвость его критики поразительны даже въ слабѣйшихъ мѣстахъ его произведеній, даже тамъ, гдѣ надо признать ошибочность его взгляда. Какъ передовой общественный дѣя-

тель и какъ спеціалистъ въ области теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, онъ къ самостоятельности мысли присоединяетъ наивыгоднѣйшія условія, чтобы быть цѣнителемъ Конта.

Конечно, можно сказать, что еще лучше бы для читателя ознакомиться прямо съ оригинальными сочиненіями Конта, и, безспорно, это знакомство очень желательно. Но въ настоящемъ случаѣ, именно вслѣдствіе особенности позитивнаго ученія, недостатокъ обращенія къ оригинальнымъ источникамъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ для какой бы то ни было иной системы. Хотя позитивизмъ основанъ Контомъ, но онъ менѣе всякаго другого ученія связанъ съ личными взглядами основателя. Это такъ вѣрно, что даже ни одинъ изъ сколько-нибудь мыслящихъ позитивистовъ не подчинился вполнѣ слову учителя. Литтрэ отрекся отъ всей второй половины трудовъ Конта. Льюисъ призналъ, кромѣ того, недостатокъ взгляда Конта на психологію и на многія другія частности. Милль во множествѣ случаевъ полемизируетъ съ Контомъ. Но при всѣхъ этихъ отступленіяхъ и при многихъ другихъ, неизбѣжныхъ вполнѣ для позитивистовъ, они останутся позитивистами и имъ нельзя будетъ сдѣлать упрека, съ которымъ обращались къ гегельянцамъ сороковыхъ годовъ, что ихъ правая партія съ лѣвой разошлись слишкомъ далеко и совершенно потеряли возможность понимать другъ друга. Позитивизмъ вовсе не есть ученіе Огюста Конта. Даже болѣе: онъ заключаетъ въ себѣ тайное требованіе дополняться, измѣняться, развиваться даже въ довольно существенныхъ частяхъ. Этого требованія не видѣлъ Контъ въ своемъ первомъ сочиненіи и еще менѣе могъ видѣть его вполнѣ. Это требованіе не вполнѣ сознаютъ и лучшіе

приверженцы позитивизма въ наше время. Тѣмъ не менѣе оно такъ сильно, что позитивизмъ, во имя присущихъ ему условій, можетъ переродиться въ новую философію, которая, не будучи уже позитивизмомъ, тѣмъ не менѣе будетъ удовлетворять требованіямъ позитивистовъ, тогда какъ всѣ другія ученія (матеріализмъ, идеализмъ, супранатурализмъ, скептицизмъ), еще существующія въ наше время, могутъ войти въ новую философію лишь какъ элементы, въ которыхъ инныя частныя области приняты за общія, инныя формулы за реальные объекты, инныя половинные отвѣты за полные. Приверженцамъ всѣхъ этихъ ученій придется отречься отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ основныхъ положеній и придать основнымъ своимъ категоріямъ совершенно иной смыслъ. Приверженцамъ позитивизма не придется отречься ни отъ чего основного; напротивъ, только та философская система можетъ имѣть надежду на господство въ будущемъ, которая удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ позитивизма и удовлетворитъ несравненно лучше, чѣмъ это сдѣлали Контъ, Литтрэ, Милль и др. Но въ то самое время, когда эти требованія будутъ удовлетворены и удовлетворены *философскою системою*, въ то самое время позитивизмъ перестанетъ существовать, потому что его особенность заключается именно въ отрицаніи возможности философской системы. Самая большая несообразность въ немъ та, что онъ называетъ себя философіей. Онъ заключаетъ въ себѣ лишь постановку вопросовъ для философіи, уясненіе условій, которыя она должна выполнить; да еще различные мыслители, принадлежащіе къ группѣ позитивизма, или находящіеся съ нимъ въ связи, дали частныя философскія воззрѣнія на ту или другую область мысли и жизни. Но эти частныя рѣшенія

вопросовъ съ позитивизмомъ вовсе не солидарны; это воззрѣнія Конта, воззрѣнія Милля, которыя могутъ быть приняты однимъ, отвергнуты другимъ безъ отношенія къ развитію позитивизма, въ его непреложныхъ основаніяхъ. Его же основанія дѣйствительно непреложны и это именно придаетъ ему огромную силу. Независимо отъ ихъ воли, всѣ люди науки, если они не ослѣплены какимъ-либо предвзятымъ міросозерцаніемъ, должны признать истину этихъ основаній и видѣть въ нихъ самый нераздѣльный элементъ своего мышленія. Всей современной цивилизаціи приходится видѣть въ позитивизмъ свое естественное требованіе. Гегель сказалъ: „философія есть ея время, схваченное въ мысли“. О позитивизмъ можно сказать: это—наше время, схваченное въ вопросъ. Философія, которая отвѣтитъ на этотъ вопросъ, будетъ дѣйствительно философіею нашего времени.

Книга, заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи, состоитъ изъ двухъ частей: въ той части, которая принадлежитъ Льюису, читатели найдутъ весьма ясное изложеніе „Курса положительной философіи“; въ той части, которая принадлежитъ Миллю—весьма дѣятельную критическую оцѣнку дѣятельности Конта вообще и по частнымъ вопросамъ. Милль указываетъ и связь той или другой идеи Конта съ предыдущими мыслителями. Но оба критика, кажется, не указали съ достаточной ясностью болѣе существенную філіацію позитивизма, какъ ученія вообще, въ прошедшей исторіи мысли, и тѣсную связь его съ послѣднимъ періодомъ внутренней исторіи Европы. Мы не находимъ также этихъ указаній ни въ статьѣ г. Гогоцкаго о Кантѣ (въ III томѣ „Философскаго Словаря“), ни въ статьяхъ о Кантѣ въ „Современникѣ“ и въ „Русскомъ Словѣ“. Статьи же въ „Отечественныхъ

Записках“, на которыя указываетъ г. Гогоцкій, и „Письма о конечныхъ причинахъ“, упоминаемыя въ предисловіи русскаго перевода книги Льюиса и Милля, намъ вовсе не извѣстны. Поэтому мы разсчитываемъ остановиться на этомъ пунктѣ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Современнаго Обозрѣнія“; а теперь перейдемъ прямо къ предмету настоящей статьи.

Въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка раздвоеніе между господствующими философскими ученіями и общественною философіей стало поразительно. Это были два міра, какъ будто не понимавшіе другъ друга и не хотѣвшіе знать одинъ о другомъ. Экономическіе, техническіе вопросы обусловливали жизнь общества; политическіе экононы изслѣдовали законы богатства народовъ и останавливались передъ задачами пролетаріата; національности заявляли свои права; промышленность получала громадное развитіе; биржа господствовала надъ дипломатіей; наука природы распространяла свои завоеванія, неуклонно подвигаясь шагъ за шагомъ и все болѣе обусловливая дѣятельность личностей, жизнь обществъ, распоряженія правительствъ; исторія, опираясь на археологію и языковѣдѣніе, возстановляла минувшее въ цѣлости его жизни и доказывала, какъ неотразимо оно обусловливаетъ настоящее. И всѣ эти области, со всѣми своими задачами, завоеваніями, во всѣхъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ интересовъ, ими затронутыхъ, оставались внѣ міросозерцаній, господствовавшихъ на кафедрахъ. Взаимодѣйствіе обѣихъ сферъ было самое ограниченное. Тѣ, которые хотѣли чему-либо дѣйствительно научиться и быть въ какой-либо сферѣ практически полезными, оставляли въ сторонѣ Фихте и Гегеля, Мэнъ де-Бирана и Кузена.

Они слушали Кювье и Лапласа, Гумбольдта и Гаусса, Вольфа и Гримма, Бентама и Оуэна, шли на фабрики и торговали, агитировали съ торіями или вигами, съ легитимистами и доктринерами, съ карбонаріями и соціалистами. Между тѣмъ, философы глядѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на *эмпириковъ* и послѣдній замѣчательный идеалистъ Германіи, умершій восемь лѣтъ тому назадъ Шопенгауэръ, прямо заявляетъ, что лишь „безполезное“ имѣетъ какое-либо значеніе.

Такъ какъ философія даже въ формѣ элементарнаго стремленія требуетъ единства, то немудрено, что съ разныхъ точекъ зрѣнія начали появляться разныя оппозиціонныя попытки построить міросозерцаніе на иныхъ основаніяхъ. Но эти основанія были большею частью слишкомъ частны и потому, удовлетворяя тому или другому требованію мысли или жизни, привлекали къ себѣ группу послѣдователей, не оказывая ни малѣйшаго вліянія внѣ ея. Таковы были попытки психологовъ школъ Гербарта и Бенеке,—исторической школы юристовъ,—болѣе вліятельныхъ практическихъ ученій соціалистовъ и утилитаристовъ,—наконецъ, самой обширной и могущественной школы матеріалистовъ. Послѣднія направленія именно тѣмъ страдали, что соціалисты и утилитаристы въ *основахъ* своихъ ученій не имѣли ничего общаго съ какими-либо теоріями природы, а матеріалисты изъ своего принципа не могли получить никакого практическаго построенія. Слѣдовательно, объясненіе природы и задача жизни оставались всетаки раздѣльными сферами.

Таково было положеніе европейской мысли, когда Огюсть Контъ между 1830—1842 годами написалъ свой „Курсъ положительной философіи“.

Ему не предстояло сказать что-либо особенно новое,